

Бородина Д.С.

ДАТСКО-АНГЛИЙСКИЙ БИЛИНГВИЗМ В МОЛОДЕЖНОМ СОЦИОЛЕКТЕ КОПЕНГАГЕНА

В данной статье обсуждаются основные аспекты сложившейся коллективной языковой идентификации в Дании, а говоря точнее – области взаимоотношений между доминирующим датским языком и иными составляющими датского языкового пространства конца XX столетия. Рамки сравнительно небольшой статьи не позволяют подробно описать все элементы социолингвистической реальности Дании наших дней – такие, например, как этнолект выходцев из азиатских стран, социолект Копенгагена, или датско-английский билингвизм учащихся элитных школ, который также вносит свой вклад в эту культурную мозаику. Вместе с тем, в статье описаны основные и наиболее острые проблемы современного датского общества в области определения языковой идентификации. Мы обращаемся также и к языковой практике, имеющей прямое отношение к основным различиям, существующим в обществе, и потому необходимой для их анализа.

В культурном, экономическом и политическом отношении современная Дания является унифицированной страной со столицей, Копенгагеном, – центром притяжения и диктатором языковых норм, которые сложились на основе диалекта копенгагенского среднего класса. Процесс унификации национального языка, в ходе которого фактически исчезли все классические диалекты, имеет место во всех высоко развитых странах, но в Дании он проявляется ярче в результате ее центростремительного развития. [1, 2] Три лингвистические проблемы привлекают заинтересованное внимание датского общества, в целом, и активно дискутируются в социолингвистических исследованиях, изучающих взаимоотношения датского языка и других языков, используемых в Дании. Это, во-первых, изучение и усвоение датского языка представителями национальных меньшинств; во-вторых, – это датско-национальный билингвизм иммигрантов, сохраняющих свои исходные языки; в-третьих, – датско-английский билингвизм и влияние английского языка на языковую и культурную ситуацию в Дании. Коренные носители датского языка по данным 2001г. составляют более 90% населения королевства, и ок. 10% - это представители языковых меньшинств, четверть которых – выходцы из соседних скандинавских стран, других стран Европейского Союза, США и Канады, а три четверти – рабочие-мигранты и беженцы из Восточной Европы, Азии, Африки, поселившиеся, в основном, в Копенгагене. [2, с. 74] Для этих людей, как и для датско-английских билингвов, язык выступает как важнейший фактор коллективной идентификации.

Понятие «коллективная идентификация» объединяет представления людей о том, что они описывают как «реальный мир». Иными словами, это метод восприятия мира и определения своего места в нем. Исходя из методологической перспективы Л. Витгенштейна, коллективная идентификация относится к цепочке человеческих «социальных действий» (social practices) и является следствием их «социальности» (sociality). «Социальность» по Витгенштейну – это человеческая предрасположенность к «hanging-together» (по-немецки «zusammengang»), то есть «бытности вместе» или «бытности в связи друг с другом». В этой предрасположенности содержатся три компонента: пути реализации «бытности вместе», коллективная ответственность и соотношение между «нами» и «другими» [3]. Не секрет, что в наше время вопросы языковой идентификации являются источником взаимных претензий, напряженности и конфликтов в борьбе за гегемонию в культурном пространстве. Выводы Л. Витгенштейна о трех измерениях коллективной идентификации приводят нас к четкому определению плоскостей, в которых проходит эта борьба: языковая политика, отношение национального языка к социолекту/этнолекту, отношение социолекта/этнолекта к национальному языку, собственно структура b и содержание социолекта/этнолекта.

В условиях глобализации и интернационализации, когда преобладает культурный и лингвистический плюрализм в противовес национальной однородности, политике планирования национального языка отводится важная роль. Практика языкового планирования, которая традиционно считалась инструментом создания однородной нации, становится инструментом усовершенствования лингвистического плюрализма в странах современной Европы.

Не следует смешивать термины «языковая политика» и «языковое планирование». Если первый – это выражение преобладающих мнений по вопросам развития национального языка, то второй предполагает конкретные шаги по их претворению в жизнь. Понятие «языковое планирование» было впервые представлено Э.Хаугеном в статье «Языковое планирование в современной Норвегии» [4] и определялось как деятельность по нормированию произношения, орфографии, грамматики и словаря устной и письменной речи в неоднородном языковом сообществе. В 60-е, 70-е годы представления о языковом планировании относились, в основном, к странам третьего мира, перед которыми стояли проблемы стандартизации и модернизации национального языка как объединяющего нацию фактора [5].

Спустя два десятилетия после Хаугена Р.Купер представил более широкое понимание этого явления, основанное на том, кто и что планирует, для кого и с какой целью, и определил языковое планирование как целенаправленные усилия одних людей повлиять на поведение других относительно усвоения, структуры и функционального применения их кодов [6, с. 45]. Р.Купер ставит под сомнение монополию государственных органов на языковое планирование, на необходимость решения проблем развития только одного – национального языка. Его определение направлено на установление функций, которые предписываются тому или иному языку в многоязычной лингвистической ситуации. Купер разделяет языковое планирование на три взаимосвязанных и взаимозависимых измерения:

- планирование корпуса языка (фонетических, орфографических, грамматических, лексических норм);
- планирование статуса языка по отношению к другим языкам, используемым в данном сообществе;
- планирование усвоения языка – национального, второго, иностранного – в учебном процессе.

Планирование статуса ставит своей целью поднять и укрепить престиж языка, а планирование корпуса предусматривает разработку мероприятий, обеспечивающих функционирование официального языка управления, образования, экономики и т.п. [7]. Планирование усвоения языка, будучи непосредственно зависимым от планирования его статуса, представляет собой не менее важное измерение языкового планирования. Взаимное согласование трех аспектов языкового планирования имеет место, например, при выборе иностранного языка, преподаваемого в школе, когда необходимо учесть факторы регионального и глобального распространения языков, языковой политики Европейского сообщества, этнического состава иммиграции и т.д. [8].

Обсуждение проблемы языкового планирования в Дании было вызвано, в первую очередь, усиливающимся влиянием английского языка на датский. Весной 1999 г. Датский Языковой Совет (ДЯС) провел научно-практическую конференцию на тему: «Английское влияние на датский язык – хорошо это или плохо?», участники которой констатировали, что проведение активного планирования корпуса языка не является возможным, т.к. любые попытки ограничить англо-американское влияние на датский язык не имеют надежды на успех. В датском обществе, как и в любом другом современном высокотехнологическом обществе, имеются две области, в которых языковое планирование осуществляется регулярно. Это, во-первых, потребительская информация (реклама, потребительские инструкции и т.п.), где, в соответствии с тенденциями Европейского сообщества, информация представляется потребителю на национальном языке, однако датский «Закон маркетинга» (Markedsføringsloven), регулируя содержание, оставляет выбор языка (датского или английского) и лингвистическое оформление потребительской информации на усмотрение ее создателей, которые должны руководствоваться существующей практикой [8].

Во-вторых, это планирование корпуса национального языка – основная цель деятельности ДЯС, по инициативе которого были приняты законы, подтверждающие обязательное использование датского языка в правительственных органах, суде, местном самоуправлении, школьной системе. Пополнение словаря за счет создания/заимствования новых слов предписывается осуществлять в соответствии с двумя принципами: принципом нормализации новообразований согласно традиционным критериям датской грамматики и орфографии или же принципом фиксации существующей практики употребления лексической единицы и грамматической структуры. Фактически, это попытка соединить традиционный подход к национальному языку с современным прагматизмом. Закон 1997г. (Retskrivningsloven) обязывает ДЯС следить за функционированием датского языка как хранителя национальных традиций и национального культурного континуума и как зеркала современной культуры и современного общества. Хотя в законе не декларируется непосредственное желание устранить или ограничить англо-американское влияние на датский язык (как это делается во Франции, где языковая политика предусматривает создание французских по происхождению неологизмов, призванных заменить английские заимствования [9]), но прослеживается определенное беспокойство относительно активного вторжения англицизмов.

Управление культурным и языковым многообразием безусловно является серьезной проблемой всех современных западных стран, которые пытаются решить ее в широком диапазоне подходов – от датской терпимости к присутствию любого другого языка, будь то глобальный английский или язык небольшой группы иммигрантов из Азии, до французского законодательства, запрещающего использование английского языка в средствах массовой информации [10].

Переоценка языкового планирования (the English-from-above ideology в определении Б.Прейслера) привела к неверному представлению о том, что значительное влияние английского языка на датский стали объяснять эффективной деятельностью интернационально ориентированных органов управления образованием и экономикой, в результате которой указанные органы могут регулировать и контролировать это влияние – необходима лишь направленная языковая политика, включающая, возможно, элементы языковой цензуры средств массовой информации [11]. Как подчеркивает Б.Прейслер, языковое планирование (английский сверху) в датской системе образования действительно обеспечивает достаточно высокий уровень владения английским языком для того, чтобы датчане могли свободно читать, писать и говорить по-английски. Но отнюдь не языковое планирование, осуществляемое государством, заставляет датчан переключаться с родного языка на английский в бытовой и профессиональной коммуникации.

Языковое планирование налагает жесткие ограничения, требующие избегать избыточного употребления английских слов, отказываться от применения английских заимствований при наличии датских эквивалентов. На фоне такого рационального подхода избыточное употребление английских слов можно было бы рассматривать как проявление небрежности или безразличия к нормам датского языка и требовать принятия законодательных актов, запрещающих подобные нарушения в средствах массовой информации.

В реальности политика внедрения английского языка сверху (the English-from-above ideology) игнорирует социальную функцию языка, которая проявляется в том, что говорящие «переключают код» с датского на английский с целью создания способов идентификации себя с определенной социальной группой. Речь человека – это выражение его социальной и культурной идентичности, которое далеко от идеалов, формулируемых авторами языковой политики. Использование английских слов может быть избыточным в лингвистическом смысле, но оно не избыточно на уровне социальных отношений. Тот факт, что язык с течением времени меняется в постоянном конфликте с существующими нормами отражает изменение социальных и культурных тенденций общества. Поэтому переключение кодов следует рассматривать не как при-

знак небрежной речи, а как ценностный символ, идентифицирующий социальные и культурные предпочтения говорящего, а возможно и отвергающий ценности доминирующей культуры и идентифицирующий говорящего с альтернативными ценностями [11, 112].

Невозможно объяснить воздействие английского языка на датский язык и датское общество без понимания социолингвистической функции переключения кодов, которое прямо или косвенно влияет на речевое поведение молодежи в англо-американских субкультурах. Субкультура – это комплекс поведенческих норм, поведенческая модель общества, объединяемого определенной системой ценностей. И наиболее видимым символом ценностей субкультуры, как свидетельствуют экспериментальные наблюдения Б.Прейслера, является английский язык, т.к. большинство молодых датчан свободно им владеют.е. являются билингвами [12]. Современная социолингвистика пересматривает понятие "билингва", под которым часто подразумевался лишь человек, в равной мере (на уровне родного) владеющий двумя языками. Сегодня различают избирательный (он же - дополнительный) билингвизм, когда человек, живущий в окружении носителей родного языка, по собственному почину и без общественного давления изучает какой-либо иностранный язык (в школе, университете, на курсах и т.д.) и ситуационный (он же - вычитающий) билингвизм, связанный с миграциями и политическими переменами, независимо от того, явились эти факторы желанными или вынужденными. Во втором случае освоение нового языка является социально детерминированным. Избирательный билингвизм присущ, как правило, лингвистически заинтересованным людям и характеризуется добавлением второго языка к родному. Ситуационный билингвизм охватывает большие группы людей независимо от их лингвистических способностей и часто сопровождается постепенной утратой (вычитанием) родного языка.

Изучение такого билингвизма началось в скандинавских странах в середине 80-х годов прошлого столетия, когда У.-Б.Котсинас провела экспериментальное исследование особенностей шведского языка нескольких групп молодых иммигрантов, выходцев из турецких, греческих, польских, арабских и проч. этнических общин, компактно проживающих в районе Стокгольма – Ринкеби (Rinkeby Swedish) [13]., а С.Бойд защитила диссертацию, в которой изучались проблемы функционирования языков национальных меньшинств в Швеции [14].

В случаях компактного проживания языковых меньшинств использование родного языка в разных сферах (бытовой, культурной, семейной, педагогической), как правило, продолжается внутри общины. Чем больше "языковой остров", тем полнее удовлетворяет он потребности людей, тем меньше нуждаются его жители в глубоком знании государственного языка (ср. Например, Брайтон-Бич в Нью-Йорке с его доминирующим русскоязычным населением. Чем меньше "остров", тем насущнее изучение второго, а то и третьего языков [15, с.3])

Правительства, как правило, заинтересованы в том, чтобы языковые меньшинства растворились в стихии государственного языка. С этой целью используются различные поощрительные и/или репрессивные меры, например, свободное владение государственным языком становится обязательным условием получения гражданства (США). В последние годы, в связи с широким распространением миграционных тенденций, в социолингвистике появилось новое понятие: языковые права личности, т. е. право изучать родной язык, включая право получения на нем начального образования, и право изучения, по крайней мере, одного из государственных языков страны проживания [16].

К этому призывают добавить и разработку и использование специальных психометрических тестов, рассчитанных на граждан-билингвов, поскольку традиционные тесты, составленные монолингвами для монолингвов, неверно отражают их мыслительный уровень [17]

Приверженность языковых меньшинств к родному языку различается в зависимости от величины общины, идеологических установок ее членов и от степени их самоидентификации с культурой, созданной на этом языке. Тенденции к аккультуризации и к сохранению имеющегося языкового и культурного багажа диалектически сосуществуют [18].

Результатом борьбы этих двух тенденций является вариант шведского языка, возникший в районе Ринкеби. У.-Б.Котсинас установила, что т.н. Ринкеби шведский как второй язык для молодых иммигрантов разного происхождения служит своего рода диалектом, символизирующим их социальную, этническую и возрастную идентичность. С.Бойд выделила ряд принципов, которыми руководствуются молодые билингвы, определяя для себя модель выбора и переключения кода в зависимости от обстоятельств: соответствие нормам конкретной коммуникативной ситуации, минимальная затрата интеллектуальных усилий, навыки владения кодом, принадлежность к группе, эффективность использования кода, взаимный учет этических норм.

Проблемы, поднятые У. Б.Котсинас и С.Бойд, послужили толчком к исследованиям как разговорного языка молодых иммигрантов в Дании, так и языка общения различных групп датской молодежи. Пилотный проект П.Квист «Разговорный датский в среде копенгагенских подростков» представил обширную информацию о молодежном варианте («этнолекте») датского языка, характеризуемом особенностями произношения и словесного ударения, элементами упрощения и генерализации в грамматике, отклонениями в употреблении порядка слов и категории рода, многочисленными лексическими заимствованиями как из соответствующих исходных языков в случае недатского происхождения молодых людей, так и из английского языка. [19]. Проект П.Квист осуществлялся в 1998-2000 гг. на кафедре датской диалектологии Копенгагенского университета и ставил своей целью выяснить – появляются ли в Копенгагене новые варианты датского языка, как это имело место с Ринкеби шведским. П.Квист зарегистрировала целый ряд регулярных

отклонений от нормативных стандартов литературного датского языка и предположила, что их надо рассматривать не как недостаточное владение коммуникативной компетенцией, а скорее как новый вариант датского языка.

Описывая это новое явление в датском языке, П.Квист, отказывается от таких терминов как регистр, диалект, интерязык, т.к. в литературе они характеризуют особенности языка других групп населения, и предлагает новый в датском контексте термин – мульти-этнолект для обозначения нового явления в датском лингвистическом пространстве. П.Квист подчеркивает, что новый вариант датского языка представляет собой дополнительный инструмент, который молодые люди могут использовать, когда это необходимо, в сложных и многообразных условиях речевой коммуникации датской столицы. В лингвистически, культурно и этнически разнородном обществе мульти-этнолект является стратегическим орудием групповой и индивидуальной идентификации. [20, с. 46] Й.Н.Йоргенсен видит в нем новый потенциальный социолект датского языка, т.к. он используется не только молодыми представителями этнических меньшинств, но, хотя и в меньшей мере, молодыми коренными датчанами, и отражает социальные отношения между молодежными группами и всем обществом. [21, с. 742] Изучение выбора и переключения кодов, своего рода колебаний между стандартным датским и мульти-этнолектом, в коммуникации молодых иммигрантов привело к пониманию механизмов двуязычного речевого поведения детей и подростков и послужило отправным пунктом нового направления в датской лингвистике – исследования молодежного языка как социального и возрастного идентифицирующего фактора.

Как отмечает Й.Н.Йоргенсен, переключение кодов все чаще используется двуязычными детьми и молодыми людьми по мере того, как возрастает их компетенция во втором языке. [21, 745] Если прагматические исследования речевого поведения подростков-билингвов, представителей этнических меньшинств, были направлены на описание их мульти-этнолекта как специфического варианта датского языка, сложившегося в условиях действия определенных социальных факторов и интерференции исходных языков, то исследования социолекта молодых билингвов, представителей датского большинства концентрировались на разнообразных аспектах влияния английского языка и англо-американской культуры. В датском обществе различный политический климат окружает национальные языки меньшинств, с одной стороны, и английский язык, с другой, существует различное отношение к этнолекту молодых иммигрантов и к социолекту молодых датчан: к первым относятся с изрядной долей презрения за то, что они «не могут» или «не хотят» научиться правильно говорить по-датски (т.е. так, как говорит средний класс Копенгагена), а вторых упрекает за то, что они используют в своей речи слишком большое количество английских слов и выражений. [1, 3] Многие деятели датского образования крайне негативно относятся к датско-английскому билингвизму и категорически отвергают предложение ввести в датских школах обучение на двух языках – датском и английском [2, 90]

Й.Моллер и П.Квист в течение ряда лет наблюдали, как взаимодействуют датский и английский языки в школе Херлуфсхольм, где английский язык не только преподается значительно шире, чем в других школах, но учащиеся могут выбрать специальные группы, где он служит языком преподавания. [20]. Все учащиеся – это датско-английские (а некоторые – англо-датские) билингвы, для которых выбор языка общения является социальным фактором, символизирующим их самоидентификацию с одной из двух языковых групп, выявленных в школе Херлуфсхольм.

Действительно, исследователи молодежной речи неоднократно наблюдали, как подростки, чье обучение идет на датском, общаясь с другими датчанами, активно перемежают свою речь английскими словами и выражениями или же переключаются на английский, как бы сообщая собеседнику о своей принадлежности к иной социальной категории. Они могут использовать свое знание английского языка для того, чтобы создавать смешанные датско-английские формы и структуры, что подчеркивает их идентичность с двуязычной группой.

Члены первой группы учащихся школы Херлуфсхольм проводят четкую грань между своим датско-английским билингвизмом и полным замещением датского языка английским, чего у них нет и что наблюдается во второй группе учащихся, которые обучаются на английском языке. Среди последних есть как датчане, так и иностранцы, для которых датский не является родным, и значительная доля их общения вне школы происходит на английском языке. Нарочитое нежелание членов второй групп говорить по-датски (хотя все они являются датско-английскими или англо-датскими билингвами) почти единодушно определялось всеми информантами, участвовавшими в эксперименте, как причина изоляции членов этой группы и негативного к ним отношения со стороны остальных учащихся. Разделение коллектива учащихся на два сообщества по языку обучения, по сути дела, отражает сложившуюся в датском обществе тенденцию билингвизма и отношение носителей титульного языка к другим языкам общения.

Изучая лексические заимствования из английского языка в речи датских двуязычных студентов, К.Рейф [22] нашла, помимо лексических единиц, прочно вошедших в датский словарь, значительное количество новых слов и словосочетаний, передающих англо-американские культурные реалии. Более того, двуязычные молодые люди проявляют чрезвычайно творческий подход к английскому языку, часто перемежают датскую речь целыми предложениями и высказываниями на английском языке, вставляют отдельные слова, морфемы, используют английскую интонацию, имитируют английский акцент в произношении датских слов, как бы играя, манипулируют переключением с одного кода на другой. [2, с. 85] Параллельно с развитием второго языка подростки развивают навыки переключения кодов, постепенно приходя к пониманию того, что это дает им определенный статус, и с возрастом стратегии переключения кодов становятся все более сложными.

Использование английского языка всегда прагматически маркировано и направлено на самоутверждение, идентификацию своего статуса в группе или статуса группы, причастность к которой повышает статус индивидуума.

Анализ билингвизма учащихся и студентов расширяет понимание молодежного социолекта. Помимо того, что в двуязычных группах самоидентификация связана с переключением кодов [20, с. 54], члены молодежных групп и субкультур создают, заимствуют или перенимают коды, использование которых служит утверждению позиции молодых людей по отношению к миру взрослых. Исследования молодежных социолектов, функционирующих в двуязычных и многоязычных сообществах, являются важным вкладом в развитие социолингвистики, в целом, и проливают свет на все инновационные процессы в датском языке.

Завершая обсуждение, еще раз подчеркнем, что традиционная Дания – это страна одного языка, сложившегося на основе одного, копенгагенского, диалекта, и одной культуры, сложившейся на основе культурных традиций столицы, страна, которая во второй половине 20 в. оказалась, с одной стороны, под мощным влиянием глобального, английского, языка и глобальной, англо-американской, культуры, а с другой, под воздействием современных миграционных процессов. Датские власти оказались перед необходимостью вести языковую политику, направленную на регулирование как влияния английского языка, так и аккомодации иммигрантов, по крайней мере, в системе образования. Перед датской лингвистикой встали задачи анализа социально-политического климата, определяющего отношение датчан к английскому языку и языкам этнических меньшинств, задачи изучения социолингвистических и психолингвистических процессов, связанных с усвоением второго языка, обучением иностранным языкам, распространением билингвизма. Экспериментальные исследования последних 10-15 лет открыли новое перспективное направление в датской социолингвистике описание специфики речевого поведения датской молодежи. Изучение факторов, определяющих содержание и структуру социолингвистического аспекта англо-датского молодежного билингвизма, позволяет глубже раскрыть механизмы современных языковых процессов.

Источники и литература

1. Kristiansen, T. and J.N. Jørgensen. Introduction. //The sociolinguistics of Danish. Ed. by T.Kristiansen and J. N. Jørgensen // Int'l. J. Soc. Lang. 159 (2003),. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter. – Pp. 1–7.
2. Jørgensen, J.N. Bilingualism and minority languages. //The sociolinguistics of Danish. Ed. by T.Kristiansen and J. N. Jørgensen //Int'l. J. Soc. Lang. 159 (2003),. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter. – Pp. 73–91.
3. The Internet Encyclopedia of Philosophy. Ludwig Wittgenstein. 6. Rules and Private Language. <http://www.utm.edu/research/iep/w/wittgens.htm>
4. Haugen, Einar. Language Planning in Modern Norway. In: Fishman, Joshua A (ed.). Readings in the Sociology of Languages. – Paris: Mouton de Gruyter, 1968. – Pp.673-687.
5. Haugen, Einar. Blessings of Babel: Bilingualism and Language Planning. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1987.
6. Cooper, Robert L. Language Planning and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P.45.
7. Hansen, Erik: Sprogpolitik. //: Jørgensen, Jens Normann (ed.). Det danske sprogs status År 2001 - er dansk et truet sprog? København: Danmarks Lærerhøjskole. 1991. Pp. 31-43.
8. Bakmand, B. National language planning, why (not)? // Intercultural Communication. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. 2000, April, issue 3. 1404-1634. Ed: Prof. Jens Allwood <http://www.immi.se/intercultural/>.
9. Durand, Jacques. Linguistic Purification, the French Nation-State and the Linguist.//Hoffman Charlotte (ed.). Language, Culture and Communication in Contemporary Europe. Clevedon: Multilingual Matters. 1996. Pp.75-93,
10. Davidsen-Nielsen, N. and Herslund, M. Dansk han med sin tjener talte. // Engelsk eller ikke engelsk?— That is the question, N. Davidsen-Nielsen et al. (eds.), Copenhagen: Gyldendal, 1999. pp. 11-18.
11. Preisler, B.. English in Danish and the Danes' English //The Sociolinguistics of Danish. Ed. by T.Kristiansen and J. N. Jørgensen. //Int'l. J. Soc. Lang. 159, 2003. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. pp. 109–126
12. Preisler, B. Functions and forms of English in a European EFL country. // Standard English: The Widening Debate, T. Bex and R. Watts (eds.). London: Routledge, 1999. – Pp. 239-267.
13. Kotsinas, Ulla-Britt. 1988a. 'Immigrant children 's Swedish – a new variety??' // Journal of multilingual and multicultural development. Multilingual Matters. vol.9 nos.1-2., Clevedon: Avon, 1988. – Pp.129-140
14. Boyd, Sally. 1985. Language Survival: A study of language contact, language shift and language choice in Sweden, University of Göteborg.
15. Spolsky, B., Cooper, R. The Languages of Jerusalem. Oxford: Clarendon Press, 1991.
16. Philipson, R., Runnut, M. Introduction. In: Linguistic Human Rights: Overcoming Linguistic Discrimination. T. Skutnabb-Kangas and R. Philipson (ed). Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. – Pp.1-22.
17. Valdes, G. "Bilinguals and bilingualism: language policy in an anti-immigrant age". //International Journal of the Sociology of Language, v. 127, 1997. – Pp. 44-45.
18. Rabkin, Ya. "Cultures in Transition". In: The Soviet Man in an Open Society. Horowitz, T. (ed). N. Y., London: Lanham, 1989. – Pp. 251-257.

19. Quist, Pia. New Copenhagen 'Multi Ethnolect'. About language use among adolescents in linguistic and culturally heterogeneous settings. // Danske Talesprog. Vol. 1. Institut for Dansk Dialektforskning. København: C.A. Reitzels Forlag, 2000. – Pp.143-212.
20. Møller, J. and P.Quist Research on youth and language in Denmark //The sociolinguistics of Danish. Ed. by T.Kristiansen and J. N. Jørgensen //Int'l. J. Soc. Lang. 159 (2003).46 Berlin/New York: Mouton de Gruyter. – Pp. 45–55
21. Jørgensen, J.N. Introduction:Multilingual Behavior in Youth Groups.//Proceedings of the 19th Scandinavian Conference of Linguistics,vol.31.5:Bilingualism. Ed. by J.N.Jørgensen, A. Dahl,and P. Svenonius, University of Copenhagen: Nordlyd 2003:740-745 (742)
22. Reiff, K. Tosprogede unges brug af engelsk. // De unges sprog, J.N. Jørgensen (ed.). Copenhagen: Akademisk, 2002. – Pp.203-232.

Иванова Н.П.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К МИРУ ПРИРОДЫ КАК ОСНОВА ПРЕОДОЛЕНИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЁ-ЧУЖОЕ» В ПОВЕСТИ Л.Н.ТОЛСТОГО «КАЗАКИ»

Проблема отражения идейного содержания художественного произведения средствами его поэтики является одной из важнейших и интереснейших сторон литературоведческого анализа, так как именно благодаря такому подходу форма и содержание рассматриваются в неразрывном единстве. Актуальность проводимого исследования заключается в том, что повесть Л.Н.Толстого «Казачьи», написанная в поворотный момент философских исканий писателя, рассматривается как модель идейно-художественной системы автора, а пейзажные зарисовки – как ключевые позиции для понимания этой системы. Новизна же проводимого исследования видится в интерпретации литературного пейзажа как одного из основных носителей информации о картине мира писателя и поэта, иными словами, его ментальном пространстве.

В связи с этим целью данной статьи является анализ отражения в пейзажных образах повести «Казачьи» мировоззрения Л.Н.Толстого. Задачи статьи: 1) выделить основные пейзажные образы повести; 2) интерпретировать их как фрагменты ментального пространства автора, отражающие его мировосприятие и систему ценностей (в данном случае - отношение к идее общности человека и природы); 3) рассмотреть пейзажные образы в системе вопросов поэтики повести. Материалом исследования являются пейзажные зарисовки повести Л.Н.Толстого «Казачьи».

В настоящее время анализ литературного пейзажа приобрел особую актуальность в связи с тем, что в современной филологии особое внимание уделяется таким категориям, как ментальность и когнитивность. Об этом свидетельствуют работы Д.С.Лихачева «Диалог в природе как признак жизни и одухотворения в литературе» (1997 г.), Э.М.Афанасьевой «Поэтика пейзажа в русской молитвенной лирике» (1999 г.), О.В.Васильевой «О художественном пространстве и времени» (1993 г.), А.П.Грачева «Пейзаж как явление интертекста» (1999 г.), Н.Д.Ивановой «Содержание и принципы филологического изучения пейзажа» (1994 г.), Т.Г.Скребцовой «Уровни метафоричности дискурса» (2002 г.), которые являются теоретической основой данной работы.

Написанную в 1863 году повесть «Казачьи» критики оценивают как этапное произведение в творчестве Л.Н.Толстого, завершающее первое десятилетие его литературной деятельности, отражающее взгляды писателя, пережившего духовный кризис, и являющееся предшественником романа-эпопеи. Исследователи отмечают, что в указанной повести, как и в «Войне и мире», пейзаж отражает авторскую позицию, а также переживания героя. Более того, В.А.Никольский считает, что толстовским и тургеневским природоописанием свойственна «кульминационность» - «стремление «привязать» природоописание к особенно важным моментам, событиям в жизни главных героев, чтобы с их помощью оттенить, усилить какую-то важную черту в их облике, резко обозначить душевный перелом, поворот» [3, с.120].

Это мнение представляется особенно справедливым для повести «Казачьи», построенной на описании внутреннего перелома главного героя, его пути к пониманию и «принятию» окружающего мира. Ведущую роль в этом процессе играет осознание того, что человек и природа являются единым целым, а следовательно, живут по одним законам. Однако, и это вполне естественно, такое понимание приходит к герою не сразу.

Интересно, что, в отличие от своих литературных предшественников -романтических героев, приезжавших или бежавших на Кавказ, - Оленин изначально не противопоставляет себя миру горцев: «Воображение его теперь уже было в будущем, на Кавказе... То с необычайною храбростью и удивляющей всех силой он убивает и покоряет бесчисленное множество горцев; то сам он горец и с ними вместе отстаивает против русских свою независимость» [6, с. 96].

Однако оппозиция «свое - чужое» в восприятии окружающего мира толстовским героем как отпечаток столичной жизни еще присутствует во время пути на Кавказ: «А эти люди, которых я здесь вижу, - не люди [курсив Л.Н.Толстого], никто из них меня не знает и никто никогда не может быть в Москве...» [6, с. 97]. Как видится, это несколько напоминает романтическое противопоставление себя окружающему миру, и в этой связи примечательно, что, приближаясь к Кавказу, Оленин не различает горы и небо, что характерно для романтического восприятия природы: «Он подумал, что горы и облака имеют совершенно одинаковый вид и что особенная красота снеговых гор, о которых ему толковали, есть такая же выдумка, как музыка Баха и любовь [курсив Л.Н.Толстого] к женщине, в которые он не верил, - и он перестал дожидаться гор» [6,